

Автор представлен членом Художественного совета **Геннадием Банниковым**

Идти на свет, не зная броду,
на острый запах тишины,
на отрешённую природу
с её волшебной стороны.

Войти в доверье к тем деревьям
и к этим зарослям во тьму,
в густое их соударенье,
которое не разойму.

Но сами с миром разойдутся,
тебя оставив и простив.
Прозрачный день налит на блюдце -
нам отворяется залив

как самая большая важность,
всё устранившая с пути,
как самая большая жажда -
ни утолить, ни обойти.

И бережёные деревья,
и запрещённый человек
на берегу неговоренья,
у края недреманных век

стоим, вытягивая шеи,
взаимным зрением полны,
над заводями утешенья
и глубины...

В шорохе прячется мышь — эта мелкая дрожь,
прячется крап ледяной, еле слышный.
Мысли идут по изнанке сознания, но ложь
мысли мои.

Новый снег не касается крыши
и не уходит, он долго висит в головах,
словно придуманный. Если его не заметить,
сбудется ли? Низкий ветер качает гамак,
день не светит.

Светит простор, оставляя тебя на виду,
серого сада качаются чаши пустые.
Но человек — незаметная метка в саду,
чуткая в нём точка роста, весны ли,
всё сопричастно ему на лету, на весу.

Тут и встречаемся. И зависаю,
тоже замешана в этом саду и лесу,
ткани, мерцаньи.

Тоже на ветер, тугую ловить немоту
вместе со всем человечеством сада —
что-то над речью,
висящее тут,
рядом.

Города далёкий завиток,
некое окаменение,
аммонит, укоренённый в зелени
на развилке моря и высот...

Хочется погладить глубину,
среди гор оставившую вмятины,
где словами шевелит невнятными
высота, припавшая ко дну,

шелестит из самого темна,
что ещё внимательнее раковин
воздух фиолетовый и лаковый,
твердь и мякоть перебрал до дна,
ворошит отростками и створками,
смотрит изнутри глазами зоркими,
знает, где была я до сих пор.

Корка соли, известковый наст
до последней поры помнят нас.

Близко вижу я издалека:
кривоватым скарбом человеческим
города несут сумы заплечные,
упираясь прямо в облака,

и ещё доверчивее панцири
той средневековости, инакости —
белой кости крошево в горсти,
подержать его и отпустить.

Где-то между вечностью и точностью
горы как вершины одиночества.

Растянулась водяная гладь,
время нескончаемое плавает
над неправдой нашею и правдою.
Мира ни прибавить, ни отнять.

Я себя искала и нашла
где-то между птицами и рыбами,
водами и воздухом зыблема,
и стою меж небом и травой,
памятью мерцающей родовой.